

Ю.В. Косицина

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета*

ОБРАЩЕНИЯ-АПЕЛЛЯТИВЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ Ф.С. ЧИСПИЯКОВА

Статья посвящена анализу обращений-апеллятивов в русскоязычных текстах шорского писателя-билингва Ф.С. Чиспиякова. Шорские обращения как эксплицитные этнокультурные маркеры рассмотрены в рамках шорско-русских лексических текстовых оппозиций в номинативной, характеризующей, оценочной функциях.

Ф.С. Чиспияков, писатель-билингв, русскоязычный текст, этнокультурные маркеры, эксплицитная маркированность, ксенизмы, варваризмы, обращения.

Введение. Ф.С. Чиспияков (1906–1972) – писатель-билингв, в равной мере владевший шорским и русским языками, – считается одним из основоположников шорской литературы [9, с. 56]. Его первое произведение – повесть «Шолбан» – было создано на шорском языке в 1934 году и переведено автором на русский язык. Последующие произведения – «Чулеш», «В долинах Мрассу» (1948) и «Кинэ» (1967) – написаны на русском языке, однако их можно назвать образцами шорской русскоязычной литературы: в художественном пространстве текстов отражается картина мира носителя шорского языка и шорской культуры, «реалии иноязычной культуры настойчиво “ищут” адекватных форм репрезентации» [4, с. 61]. В русскоязычном тексте шорского писателя выделяются этнокультурные маркеры, которые воспринимаются носителями русского языка как некие «отклонения от нормы» [3, с. 6], как «отголосок» бытия иной культуры, иного жизненного уклада» [6, с. 198].

В русскоязычных текстах писателей-билингвов мы выделяем два типа этнокультурной маркированности – имплицитную и эксплицитную. Имплицитная этнокультурная маркированность – выражение этнокультурного содержания языковыми единицами (лексическими, синтаксическими) языка вторичной культуры (русского языка), которые в контексте русскоязычного художественного мира формально воспринимаются как «свои».

Эксплицитная этнокультурная маркированность – выражение этнокультурного содержания единицами языка первичной культуры (в данном случае шорского), к которым относятся безэквивалентные национально-маркированные единицы: ономастическая лексика (антропонимы, топонимы, мифонимы), этнографизмы, варваризмы и др. Это те языковые единицы, которые являются нерусифицированными или частично русифицированными и в связи с этим воспринимаются носителями русского языка как чужеродные элементы, контрастирующие на русскоязычном фоне.

С точки зрения восприятия текста носителями русской лингвокультуры, все эксплицитные этнокультурные маркеры, транслирующие в русскоязыч-

ный текст чужую языковую культуру, культуру языка-источника, можно обозначить термином «ксенизмы». Под данным термином мы понимаем иноязычные слова и выражения, выделяющиеся в языке-приемнике как «чужие» вследствие лексической неосвоенности. Разновидностью ксенизмов является варваризм, определяемый как иноязычное слово или выражение, которое относится «к наименее освоенному виду заимствованной лексики» и «может употребляться в транслитерационном или даже в иноязычном написании» [13, с. 34–35]. В рамках данного исследования под варваризмами понимаются слова и выражения языка-источника (шорского языка), функционирующие в русскоязычном тексте как элементы чужой речи, выступающие как продукты речевой деятельности и как факты языкового сознания носителей первичной языковой культуры.

Эксплицитные этнокультурные маркеры, являющиеся варваризмами в русскоязычных текстах, можно разделить на следующие группы: обращения-апеллятивы*, междометия, звукоподражательные слова, наименования-цитаты (метаязыковые вкрапления).

Цель данной статьи – определить состав, семантику и функции шорских обращений-апеллятивов как эксплицитных этнокультурных маркеров в русскоязычной прозе Ф.С. Чиспиякова. При анализе обращений учитывается прагматический компонент значения, включающий коннотации, которые «в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, о статусе собеседников, об оценке предмета речи» [10, с. 147].

Основные результаты. В русскоязычных произведениях Ф.С. Чиспиякова выделяется восемь шорских обращений: *негечи, кызым, ача, тунма, ака, эккем, эркемай, нанчы*.

Все обращения в тексте переданы графическими средствами русского языка: шорская буква *қ* (ка с запятой) заменена на букву *к* (ср. шор. *кызым, аққа*),

* Апеллятив – имя нарицательное в противоположность имени собственному (Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.).

шорская буква *ң* (эн с запятой) – на букву *н* (ср. шор. *туңма*) [17, с. 21]. В двух словах отмечается графическое и фонетическое упрощение: удвоенная гласная (*негечи*) и удвоенная согласная (*акқа*) шорского языка в русскоязычном тексте заменены одной (*негечи*, *ака*). Графический облик лексемы *нанчы*, отражающий закон небной гармонии гласных [18, с. 15], не соответствует принципам русской графики, что изначально делает слово чужеродным для адресата – носителя русского языка.

Следует отметить, что в русскоязычных текстах Ф.С. Чиспиякова шорские обращения являются грамматически адаптированными. В шорском языке обращения как знак речевого этикета имеют особую форму, которая образуется посредством прибавления к основе существительного аффиксов принадлежности *-м*, *-ым*, *-им* [7, с. 48]. Так, в «Русско-шорском разговорнике» приведены следующие примеры форм речевого обращения: *нанчы-м* (друг), *иче-м* (мама), *аба-м* (отец), *кыз-ым* (дочь), *ача-м* (обращение к старшему брату) и др. [1, с. 33–34]. В повестях Ф.С. Чиспиякова все обращения-существительные, за исключением слова *кызым*, употреблены в исходной форме: *ача*, *негечи*, *нанчы* вместо *ачам*, *негечим*, *нанчым*.

Наименования родства *негечи*, *кызым*, *туңма*, *ака*, лексемы *эккем* и *эркемай* в текстах Ф.С. Чиспиякова используются только в качестве обращений. Лексемы *ача* и *нанчы* употребляются в роли обращения, а также в синтаксической функции сказуемого и приложения при имени собственном: *Тушпан-ача у нас сидит, вас дожидается* [16, с. 36]; *Он мне не только нанчы, но и друг* (Там же, с. 51).

Обращение *негечи* в значении «сноха, жена старшего брата» [11, с. 34], использованное семь раз в повести «Кинэ», толкуется в авторских примечаниях как «жена старшего брата» с пометой «приносится с уважением» [16, с. 20]. В лексической системе русского языка отсутствует наименование для выражения данного значения, и лексема *негечи* несет особую смысловую нагрузку, являясь в речи главной героини постоянным обращением, направленным к Пеккей – жене старшего брата: *Не надо так убиваться, негечи. Мать старая была, а брат мой и твой муж вернется* (Там же); *Негечи, негечи... – бормотала она сквозь слезы. Потрясенная Пеккей... долго не могла добиться от нее никаких объяснений* (Там же, с. 38) и др. Данная номинация не только отражает шорскую систему родственных связей, но и является средством создания образа Кинэ: главная героиня относится к жене старшего брата как к старшей сестре, как к матери – человеку, готовому оказать поддержку и помощь в трудной жизненной ситуации.

В повестях Ф.С. Чиспиякова наблюдается одновременное использование в разных эпизодах шорских и русских обращений, близких по семантике: шорские слова *эккем*, *ача*, *кызым*, *нанчы* имеют в тексте русские соответствия *сестра*, *брат*, *дочь моя*, *друг*. В контексте произведения шорские и русские обращения образуют семантико-коммуникативные оппозиции: положительное/отрицательное, одобрительное/неодобрительное, официальное/неофициальное, эмоционально-окрашенное/нейтральное, ласковое/торжественное и др.

Для обозначения старших родственников по отцовской линии (брата, дяди по отцу) в шорском языке используется лексема *ача*, для обозначения младших – *туңма*. Таким образом, русское слово *брат*, имеющее иную семантическую структуру, не является эквивалентом шорских наименований.

Так, в повести «Кинэ» обращение *ача* в значении «старший брат» [11, с. 18] встречается три раза без авторского комментария: представлено в речи Кинэ по отношению к старшему брату Алексею и в речи Аспана по отношению к старшему брату Конзаю. В обоих случаях данное обращение несет положительные коннотации: отражает уважительное, доверительное отношение говорящего к собеседнику как к человеку более сильному, опытному, мудрому, к тому, кому можно доверить самое сокровенное, кто не предаст: *Ача, выйдем на минутку на крыльцо. Поговорить надо... Я решила убить Петре* [16, с. 72–73]; *Поссорились, наверное, аль? – Ача, как ты узнал? – Вы с Кинэ разные люди... Ача, я теперь взрослый человек, жених. Почему поступают со мной, как с мальчишкой?* (Там же, с. 35).

Русское обращение *брат* появляется во внутренней речи Кинэ в тот момент, когда она испытывает стыд за Алексея, держащего речь на собрании: *Ах, Алексей, брат! Не так говорит, плохо говорит* (Там же, с. 69). Обращение *брат* в данном эпизоде не случайно: употребляется с точки зрения русского речевого этикета в «возвышенно эмоциональной речи или в ситуации конфликта, отчуждения» [2, с. 63], вступая в оппозицию с шорским *ача*.

В повести «В долинах Мрассу» обращения *ача* и *туңма* неоднократно встречаются в речи отрицательных персонажей – Тастак-бая и его младшего двоюродного брата Сергея: *Как думаешь, туңма, если кто-нибудь будет обижать меня, – непустишь за меня пулю? – За тебя, ача, хоть в реку брошусь* [15]. Братья – враги новой власти, объединившиеся для борьбы ради сохранения старых, дореволюционных порядков. Шорские обращения как этнокультурные маркеры выражают отрицательные коннотации: подчеркивают тесную, родовую связь между героями, противостоящими новому времени, новым советским людям.

Словоформа *кызым*, не имеющая авторского комментария, в значении «дочь моя» используется в качестве обращения один раз в ситуации неофициального общения по отношению к девочке Кинэ со стороны гостя Мукалая. Данное обращение выражает доброжелательную эмоциональную окраску и сопровождается ласковой интонацией: *Э-э, кызым, – ласково ответил гость, – я такой богач: что за день заработал – на день не хватает* [16, с. 15].

Русский вариант *дочь моя* представлен в речи матери Кинэ, дающей дочери наказ перед смертью, и в речи старика Тушпана, напоминающего Кинэ о древнем обычае: *Дочь моя, ты до рождения была предназначена в жены Аспану, сыну Ак-Сагала и племяннику Тушпана* (Там же, с. 19); *С моим племянником тебя Ульген соединил, дочь моя* (Там же, с. 29). Обращение русского речевого этикета, которое имеет торжественную эмоциональную окраску и подчеркивает официальность ситуации, связанной с соблюде-

нием шорского священного обычая, передает значимость данного момента в судьбе героини.

Лексема *ака* употребляется в тексте два раза и не имеет авторского пояснения. В обоих эпизодах данное обращение использовано в сочетании с именем собственным – *Тушпан-ака*. Шорское слово *акқа* имеет лексическое значение «дед (по отцу)» [11, с. 15]. Однако в контексте произведения обращение *ака* направлено к старому человеку, с которым говорящий (Кара-Сагал и Кинэ) не находится в родственных отношениях, что позволяет говорить об отражении в данном слове лишь возрастной характеристики адресата (обращение к старшему) без учета родственных связей с собеседником: *Я не шучу, Тушпан-ака, она моему сыну пара* [16, с. 19]; *Тушпан-ака, где Чагыс?* (Там же, с. 107).

В повести Ф.С. Чиспиякова одним из наиболее частотных обращений является слово *эккем* (шесть словоупотреблений), направленное к Кинэ со стороны брата, его жены и старика Тушпана: *Что с тобой, эккем? На себя не походишь* (Там же, с. 28); *Эккем, болела что ли?* (Там же, с. 63); *Проснулась, эккем? – невестка нежно поцеловала ее в лоб* (Там же, с. 91); *Выслушай меня, эккем, не торопись, облегчи мою душу* (Там же, с. 108).

Существительное *эккем* образовалось от прилагательного *эрке* («милый», «дорогой», «любимый» [11, с. 74]), претерпевшего фонетические изменения, что подтверждается наличием в хакасском языке слова *икем* (то же, что *иркем*), которое является ласковым обращением к детям и жене и имеет такие лексические значения, как «милая, дитя мое, голубка моя, солнышко мое» [14, с. 133]. Однако шорское *эккем* соотносится также с хакасским словом *ике* – «младший брат, младшая сестра», которое употребляется как ласковое обращение к младшим [8, с. 41]. Таким образом, обращение *эккем* в тексте Ф.С. Чиспиякова, с одной стороны, может выражать особенности родственных связей (отношение старших членов семьи к младшим), с другой стороны, характеризует образ главной героини, выражая любовное и бережное отношение к ней со стороны близких людей.

Шорскому обращению *эккем* в значении «моя младшая сестра» в тексте противопоставлено русское обращение *сестра*, употребленное в ситуации официального общения, когда Алексей разговаривает с Кинэ в присутствии чужого человека: *Познакомься, сестра. Это уполномоченный, его новая власть прислала* [16, с. 62]. В данном примере обращение, не являясь этнокультурным маркером, утрачивает эмоциональную окраску.

Эккем в значении «моя милая», «моя дорогая» находится также в оппозиции к русским обращениям *моя хорошая*, *милая*, употребленным по отношению к собеседнику со стороны учительницы Веры Николаевны: *Учись, моя хорошая, сама все узнаешь* (Там же, с. 90); *Алёна, милая, что происходит?* (Там же, с. 95). Учительница – выходец из шорского народа, шорский язык является для нее родным. Однако в тексте данный образ представляет новую власть, новое, советское сознание, поэтому речь Веры Николаевны этнически нейтральна, что отражается в отсутствии этнокультурных маркеров – шорских лексем.

Семантико-коммуникативную оппозицию в текстах Ф.С. Чиспиякова образуют также обращения *нанчы* и *друг*. В авторских комментариях зафиксировано словарное значение лексемы *нанчы* – «друг, приятель» [16, с. 13; 11, с. 34]. Однако в тексте произведения шорское и русское слова оказываются в одном синтаксическом ряду, что подчеркивает их семантико-стилистические различия и не позволяет говорить об отношениях буквального тождества: *Одевается он еще богаче, чем Кельчек-бай, единственный в стойбище его друг и нанчы* [16, с. 13]; *Вот такой человек! Он мне не только нанчы, но и друг* (Там же, с. 51).

В повести «Кинэ» в функции обращения лексема *нанчы* употребляется пять раз: *Нет, нанчы, такая должна в горнице жить* (Кара-Сагал – Тушпану) (Там же, с. 18); *О-о, Мукалай-нанчы!* (Алексей – Мукалаю) (Там же, с. 13); *Э-э, нанчы, у них свой обычай* (Мукалай – Пеккей) (Там же, с. 16); *Э-э, нанчы, за такие слова на каторгу шлют* (Мукалай – Алексею) (Там же, с. 16); *Вот увидишь, нанчы, Чагысу я всё дам. На долг пушины не хватит – не беда, подожду* (Петре – Кинэ) (Там же, с. 49).

Анализ речевой ситуации, представленной в данных примерах, показывает, что шорская лексема *нанчы* как обращение направлена к тем собеседникам, с которыми у говорящих нет духовной связи, что противоречит лексическому значению русской лексемы *друг* – «тот, кто связан с кем-л. дружбой» [12, с. 448]. Контекст употребления позволяет говорить о том, что *нанчы* – это человек, которого с говорящим объединяют условия жизни и общие интересы, связывают деловые отношения.

Обращение *эркемай* использовано один раз в повести «Кинэ» по отношению к главной героине: *Эркемай, ножки околоченот, давай помогу!* [16, с. 44]. В авторских комментариях лексическое значение данного слова объясняется как «миленькая» (Там же, с. 44). Шорское обращение *эркемай* (ср. шор. *эрке* – «милый, дорогой, любимый» [11, с. 74]), предполагающее достаточно близкие отношения между говорящими, употребляется в речи отрицательного персонажа Петре по отношению к чужой жене. Этнокультурная маркированность особо подчеркивает неуместность слова в данной речевой ситуации и выступает как средство характеристики Петре, который ради удовлетворения своих плотских желаний пытается разрушить семью Кинэ и Чагыса.

Заключение. Таким образом, шорские обращения-апеллятивы как эксплицитные этнокультурные маркеры в русскоязычных текстах Ф.С. Чиспиякова выполняют следующие функции: номинативную, характеризующую, оценочную.

1. Номинативная

Шорские обращения называют понятия, для обозначения которых в русском языке отсутствуют специальные лексемы: *ача* – старший брат; *тунма* – младший брат, *негечи* – жена старшего брата, *эккем* – младшая сестра.

2. Характеризующая

Обращение-апеллятив является средством характеристики персонажа – говорящего и собеседника. Так, слово *эркемай*, употребленное Петре в обращении к Кинэ, представляет данного героя как бесприн-

ципного и эгоистичного человека, для которого нравственные законы и семейные обычаи не имеют ценности. Обращения *ача* и *негечи* в речи Кинэ по отношению к старшему брату и его жене подчеркивают значимость родственных отношений, что характеризует особенности мировосприятия главной героини.

3. Оценочная

Обращения-апеллятивы, имея в лексико-семантической структуре коннотативное значение, выражают отношение говорящего к собеседнику и авторское отношение к героям. Например, лексемы *ача* и *тунма* в речи Тастак-бая и его брата (повесть «В долинах Мрассу») в контексте всего произведения имеют отрицательные авторские коннотации: родственная связь между персонажами, представленная в данных обращениях, олицетворяет злое, темное начало в тексте, противостоит новой, советской действительности. В повести «Кинэ» обращение *ача* имеет положительные коннотации, связанные с уважительным отношением героини к брату и с авторским утверждением семейных ценностей.

Все выделенные функции шорских обращений-апеллятивов как эксплицитных этнокультурных маркеров подчинены концептуальной функции: формируют в воспринимающем сознании определенную картину мира, служат «кодом доступа к постижению принципиально иного этнического мироощущения» [6, с. 196]. Будучи фактом языка, обращение в шорской русскоязычной прозе «является экспликативом и отражателем совокупности представлений о действительности, сформированных на основе культурно заданного восприятия и понимания мира» [5, с. 182].

Литература

1. Амзоров, М. П. Русско-шорский разговорник / М. П. Амзоров, И. В. Шенцова. – Новокузнецк, 1991. – 64 с.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
3. Бахтиреева, У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / У. М. Бахтиреева. – Москва, 2005. – 44 с.
4. Бахтиреева, У. М. Транслингвизм и ревитализация культуры / У. М. Бахтиреева, О. А. Валикова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 57–63.
5. Бидагаева, Ц. Д. Асимметрия культурных реалий / Ц. Д. Бидагаева // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. – 2013. – № 6 (45). – С. 181–188.
6. Дианова, Л. П. Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора / Л. П. Дианова // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 194–206.
7. Дыренкова, Н. П. Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. – 307 с.
8. Каксин, А. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь / А. Д. Каксин. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. – 224 с.
9. Косточаков, Г. В. Как слово наше отзовется? (История родной литературы) : учебное пособие для бакалавров / Г. В. Косточаков. – Новокузнецк, 2015. – 199 с.
10. Кузьмина, Е. Б. Апеллятивы – термины родства в лексикографическом аспекте (об отражении прагматического компонента семантики слов в толковых словарях русского языка) / Е. Б. Кузьмина // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2011. – Вып. 2. – С. 147–151.
11. Курпешко-Таннагашева, Н. Н. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк : Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемеровское книжное издательство, 1993. – 149 с.
12. Словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Т. 1. А–Й. – Москва : Русский язык, – 1985. – 696 с.
13. Словарь социолингвистических терминов / под редакцией В. Ю. Михальченко. – Москва, 2006. – 312 с.
14. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. – Новосибирск, 2006. – 1114 с.
15. Чиспьяков, Ф. С. В долинах Мрассу / Ф. С. Чиспьяков. – URL: https://royallib.com/book/chispiyakov_fyodor/v_do_linah_mrassu.html (дата обращения : 13.03.2023). – Текст : электронный.
16. Чиспьяков, Ф. С. Кинэ : Повесть / Ф. С. Чиспьяков. – Новокузнецк, 2001. – 111 с.
17. Чиспьяков, Э. Ф. Графика и орфография шорского языка : учебное пособие для студентов и преподавателей / Э. Ф. Чиспьяков. – Кемеровское книжное издательство, 1992. – 61 с.
18. Чиспьякова, Ф. Г. Учебное пособие по фонетике шорского языка / Ф. Г. Чиспьякова, Н. В. Шавлова. – Новокузнецк, 1992. – 52 с.

Y.V. Kositsina

ADDRESSES-APPELLATIVES AS EXPLICIT ETHNOCULTURAL MARKERS IN F.S. CHISPIYAKOV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

The article analyses the addresses-appellatives in the Russian-language texts by the Shor bilingual writer F.S. Chispiyakov. Shor addresses as explicit ethnocultural markers are considered within the framework of the Shor-Russian lexical textual contrapositions in the nominative, characterizing and evaluative functions.

F.S. Chispiyakov; bilingual writer; Russian-language text; ethnocultural markers; explicit marking; xenismes; barbarisms; addresses.